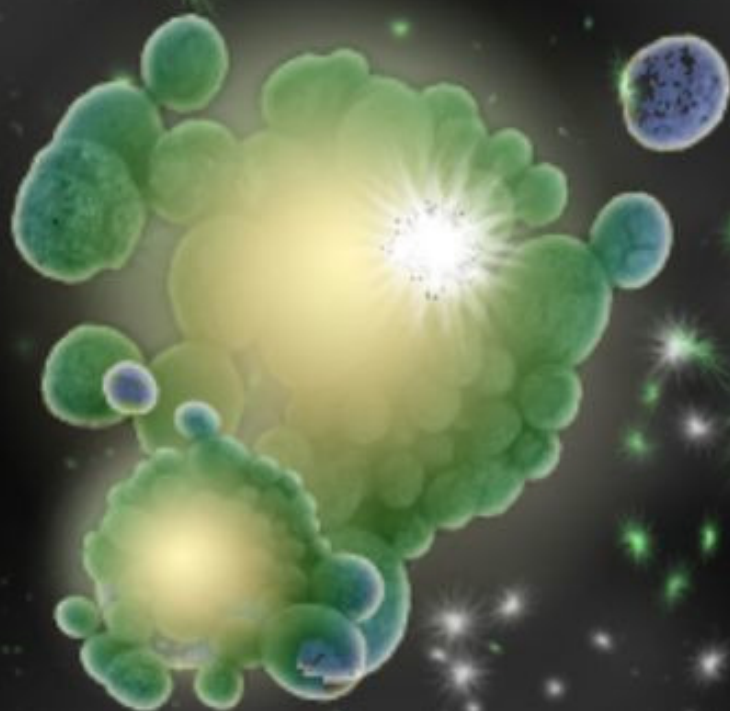

18+

След ЭВОЛЮЦИИ

свиток третий

Тихон Владимирович Тверез

Тихон Тверез

След эволюции. Свиток третий

«Издательские решения»

Тверез Т. В.

След эволюции. Свиток третий / Т. В. Тверез — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984555-9

Потрясения для всех эксклавов землян и планеты фогги уже близко — на станции-университете Астероидного Пояса обнаруживаются следы неизвестных существ. Живущим нужно найти способ избежать уничтожения инверсами — проявлениями Вселенной, призванными беречь главный критерий информативности — многомерность сознания. И сделать выбор — между слепым подчинением касте властителей, разобщенностью и безвольным существованием или объединением в единую Скопу Сознаний, продолжив естественный путь эволюции.

ISBN 978-5-44-984555-9

© Тверез Т. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

След эволюции Свиток третий Тихон Владимирович Тверез

© Тихон Владимирович Тверез, 2020

ISBN 978-5-4498-4555-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-4556-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Лиз играла в шахматы. Не то чтобы прямо так и играла – сознание позволяло перемещаться в пространстве за огромными игровыми фигурами, как будто летящими в космосе. Фигуры были разные, будто из разных наборов. Однажды в далеком детстве Лиз в игровой комнате детского сада нечаянно перевернула полку с шахматными досками – и на полу образовалась огромная куча различных фигурок. Сон был похожим на те переживания – испуг, и безысходность случившегося, и ожидание неотвратимого наказания. Сейчас Лиз чувствовала похуже, но к одиночеству примешивалась и непонятная сила, с помощью которой можно было бы изменить ситуацию к лучшему. В болтающихся в пространстве фигурках, выстроенных в безысходную для Лиз ситуацию, был какой-то выход, какой-то правильный ход, и Лиз мучительно пыталась разгадать загадку. Неожиданно решение появилось само собой, и Лиз поняла, что решение и правильный ход находятся именно внутри ее сознания, где-то внутри нее, и посмотреть на мир нужно именно оттуда. Но сделать это Лиз не успела, полет прервался, и она вернулась в реальный мир – проснулась на скомканной постели в своей капсуле орбите малого пояса астероидов. Повея рукой по лицу, Лиз, еще в переживаниях сна, посмотрела на наручный браслет: состояние организма в норме, сообщений нет, время два часа утра. Лиз проспала всего час после напряженной работы последних дней – попытках разобраться в работах известного Вальтера Родригеса об изменениях в сознании фогги.

Лиз расправила постель, не открывая капсулы, и с наслаждением потянулась улыбаясь. Фу-ты сны, а? Приснится же. А спать можно еще четыре часа до общей побудки вахтовых смен ее сегмента станции-университета. Лиз свернулась в комочек, протяжно вздохнула, и на девушку снова навалился нежный и ласковый сон – теперь без картинок и переживаний.

Глава 1

– Лиз, ты тут? – в длинном и узком сводчатом помещении лаборатории голос, прозвучав нежно и тонко, откуда-то от входа, пройдя меж опытных стендов и столов с приборами, дошел до Лиз, склонившейся над настольной умкой в середине зала, басовыми и немного заунывными нотками. Девушка не отреагировала, и только звук легких приближающихся шагов заставил ее поднять голову. К ней приближалась огромная, если не сказать больше, по сравнению с самой миниатюрной Лиз, фигура в такого же цвета комбезе внутренних помещений лабораторного сектора. Недовольство на лице Лиз исчезло – Дипти была ее единственным близким другом на станции.

Лиз уже больше полугода находилась здесь – в полевом центре изучения дальнего космоса и внеземных форм жизни (сокращенно ПКЦ-119) – и заводить близкие знакомства, несмотря на большую загруженность центра, до пятидесяти постоянных сотрудников и столько же персонала, сменяющегося вахтовым методом, совсем не хотелось. Было много интересной работы, а уже через два месяца Лиз должна была отправиться на Землю, завершив исследования здесь, и следующий полет будет разрешен тоже только через два месяца – необходимый карантин любого исследователя дальнего космоса. Ближний космос – это проще. Там можно было жить и работать, сколько хочешь, создавать семью, заводить детей, но Лиз, как и все сотрудники станции, была до самозабвения увлечена своей работой и менять ее на что-то другое не собиралась.

Дипти! – тут Лиз улыбнулась. Значение имени поразительным образом соответствовало девяностокилограммовой женщине – неполной, с хорошей фигурой, высокой и просто большой, но изумительно легкой и грациозной. Они как-то сразу сошлись на общих интересах – рутинная и сложная работа исследователя внеземной жизни совсем не казалась им тяжелой. А необходимость жить в отрыве от семьи и даже от родной планеты было необходимой платой за достижение цели. У Лиз – ее исследования, у Дипти к исследованиям примешивалась и карьера – она стремилась стать ведущим научным работником в Земном исследовательском центре своего эксклава и вести собственные исследования. Достаточно хорошо узнать друг друга подруги и коллеги по работе не пытались, им было достаточно общности идей, женской солидарности и сочувствия – судьбы у них сложились похоже.

– Ты идешь, Лиз? – Дипти возвышалась на полтора метра над повернувшей кресло и смотрящей на нее снизу подруги. – Я понимаю, сбор персонала несет рекомендательный характер, но все же. – Дипти сделала паузу. – Это ведущий специалист университета Американского эксклава. И практикующий специалист – его работы по изучению фогги получили мировое признание. Его нужно послушать.

– Дипти, это уже третий специалист по фогги, прилетевший сюда за последние два месяца. И еще пока никто хоть на немного не приблизился по знаниям к Родригесу, отозванному на Землю уже четыре месяца назад. Они говорят о том, как мы должны относиться к фогги и использовать их способности, но никто не попытался понять их до конца. А ведь это древняя раса – гораздо древнее наших самых далеких предков. Ты знаешь, Вальтер оставил мне свою работу, и у меня совсем нет времени слушать умствования, пусть и имеющие под собой основу.

– Все дальняя разведка, да? – Дипти ослепительно улыбаясь смотрела без интереса на настольный экран умки. – Возможность использовать потенциал фогги для изучения просторов? Ты еще проблемой центра Вселенной займись. – Дипти фыркнула, чуть потушив улыбку. – Или гравитационными аномалиями.

– А почему нет? Фогги способны не только передвигаться за пределы галактики, но и чувствовать происходящее далеко за ее пределами. Это очень интересно.

– Ну, кому как. Меня больше интересует здесь и сейчас, а не неизвестно где и когда. Этих лекторов не зря приглашают – это вектор приоритетных направлений в изучении форм жизни – и фогги, и Ливита, и, возможно, наблюдателей. Мне просто необходимо быть там – ведь лектор не один, там весь цвет Земных университетов (Лиз скептически покривилась). —И ты знаешь, там будет много интересных мужчин, – Дипти выгнулась, выделяя фигуру. – У нас свободное общество, и я, оторванная от мужа по полгода, не собираюсь отказывать себе в интересном общении. – Лиз покривилась еще больше.

– Нет, Дипти, я не пойду, не обижайся, но у меня действительно много работы. А с мужем я могу и по инфоходу пообщаться – кто ж виноват, что у нас такая работа. Скоро у меня и у него обязательная трехмесячная регенерация на Земле – вот мы и будем вместе. Я надеюсь, ничего не помешает.

– Да, это было бы замечательно. Я тоже надеюсь на скорую встречу со своим Беном. Ну ладно, я побежала, а ты сиди тут, чахни над клавиатурой, – Дипти засмеялась.

– Беги, буду чахнуть, – Лиз тоже рассмеялась. – Хорошего дня!

– И тебе хорошего дня.

Дипти убежала, а Лиз, скрестив руки и откинувшись в кресле, задумалась. Поток мысли странным образом перескакивал с насущной работы на личную жизнь, устройство дома, на мужа, семью, будущих желанных детей. Иан и Лиз были в отряде космонавтов дальнего космоса: она здесь, на станции в Астероидном поясе, он – капитан дальнего исследовательского корабля, совершающего рейсы по всем возможным маршрутам. У нее – ее работа и персонал станции, подруга Дипти, НИИ космонавтики на Земле, друзья и родные. У Иана – экипаж корабля, Ливит-друг, космодром Восточный и тоже много друзей. И где-то далеко-далеко, за 11 тысяч световых лет от Земли, родной дед, улетевший туда больше полутора лет назад и по непонятным причинам не имеющий возможности вернуться обратно. От деда приходили раз в пару месяцев короткие видеобращения, присылаемые с фогги-курьерами, и все.

Тогда дед в модуле обеспечения, пусть и достаточно большом и способном обеспечить длительное проживание в коконе ливита, обеспечивающем полноценную защиту, с помощью транспортного средства фогги добрался до их планеты, уже улетевшей от родной системы на огромное расстояние. Им удалось построить щит вокруг родного мира фогги и обеспечить защиту от вселенского коллапса, вскоре произошедшего, но сразу вернуться назад не получилось. Планета, больше не способная двигаться управляемо, была захвачена в гравитационный колодец двух звездных систем и двигалась по большой орбите протяженностью 640 земных лет. И вырваться оттуда было невозможно не только родной планете фогги, но и деду в ливитном коконе – вместе с ними гравитацией систем были захвачены пока непонятные искривления пространства, и они не позволяли покинуть пространство планеты. Искривления – дед сразу прислал картинку – совсем не поддавались изучению, все зонды и разведмодули просто исчезали из реального пространства, попав в аномалии.

Данную проблему сразу посчитали на Земле приоритетной, но особых подвижек в изучении аномалии и помощи космонавту не происходило. И даже Ливит тут ничем не мог помочь. Все, что сообщил Центр Связи, – новое образование, огромный эллипсоид, созданный после разборки ненужного щита: Ливит предупреждает об опасности, сам он никогда не полетит в аномалию, к ним нельзя приближаться, это изнанка пространства-времени. Единственный, рискнувший туда прикинуть фогги бесследно исчез в тот же миг, и уже год от него не было вестей, не было известно, существует ли он – планета-дом фогги тоже не давала ответа и не могла ничем помочь.

С редкими фогги-курьерами дед сообщал, что изучает аномалию, делился редкой информацией, сообщал, что воспроизводимых ресурсов модуля хватит надолго, они с котом Даром чувствуют себя отлично, медотсек модуля и сам Ливит следят за их здоровьем, неполадок нет,

защита модуля в норме. Но Иан – Лиз знала как самый близкий ему человек – просто не находил себе места от беспокойства.

Огромными усилиями удалось отговорить Иана лететь за дедом – это было почти невозможно и как опасно, так и бессмысленно. Иан бы не послушал никого – его поддерживал экипаж и Ливит как член экипажа его корабля и, договорившись с фогги, они могли рискнуть. Удалось пресечь бессмысленную попытку только деду, приславшему сообщение лично внуку и, остерегая его от попыток полета, предложившего начать всестороннее изучение аномалий. Чем они и занимались по мере возможностей – и Иан, и Лиз, и Николай, и многие-многие другие уже скоро почти два года.

Кроме этого, у всех была реальная жизнь здесь и сейчас, была нужная и ответственная работа, было прошлое и будущее. Времени грустить и отчаиваться не было – нужно было делать дело. Но Лиз все сильнее с каждым днем мечтала собрать вместе всю семью, построить дом, а не жить вот так, вахтовым методом, завести детей и вырастить их, передать им знания и любовь.

Лиз тряхнула головой и посмотрела на экран переносной умки. Так, ладно. Нужно думать о работе, это самое лучшее и правильное. Итак, значит если взять наногеометрию шестимерного пространства-времени, то, естественно, временная координата заменится на радиальную пространственную координату, значит...

Неожиданно Лиз по странному наитию посмотрела на боковой большой экран, передающий картинку из длинного сквозного ангара, сбоку пронизавшего диск станции. Там, как всегда, в огромном пустом пространстве висел фогги Джон, как называли его первые сотрудники станции. Джон был не просто охотником за энергией и разведчиком в своей расе – он был ученым-исследователем и почти с начала контактов работал с людьми и Ливитом.

Джон ровно мерцал, туман привычно перекачивался клубами в безвоздушном пространстве ангара. На полу, рядом с фогги, стоял изолированный многоконтурный старый водородный генератор – как оказалось, самое лучшее лакомство для фогги. Чем его немедленно и снабдили, разыскав их на Земле и привезя пару на станцию, чему Джон был обрадован, выражая радость мягким мерцанием и серо-розовым туманом.

– Джон, все в порядке? – ПЛ-контур ксенопереводчика позволял общаться ограниченным набором фраз. Более сложные речевые обороты и просто объемная информация требовали времени на обработку и больших мощностей. – Джон?

– Хорошо. Я немножко ем. И думаю, – Лиз даже не улыбнулась. Джон всегда сообщал, что он ест, видимо, процесс поглощения энергии был очень важен их расе.

– Джон, я не понимаю, – Лиз настороженно смотрела. – За тобой дальняя стена ангара – черного цвета. Стой! – Лиз, уже не соображая, что говорит, вскочила. – Там не стена! Это космос! Стены нет!

Сразу, как ответ на восклицание Лиз, раздался сигнал тревоги, вдоль стен отсека-лаборатории замигала красными предупреждающими огоньками информационная лента. Лиз, отключая лабораторные стенды, бросив взгляд на провал в стене ангара, успела крикнуть: «Джон, уходи оттуда!» Весь комплекс станции-университета плавно покачнулся, похоже, сработали маневровые двигатели. Девушка бросилась к отсеку-гардеробной, не раздвинув, разорвав защитную мембрану, вытащила свой «орлан» для внешней среды и так же быстро облачилась в него, руки сами делали привычную работу: натянуть шлем, расправить комбез, активировать пояс, замкнуть, подключить систему, герметизироваться. Обувь «орлана» составляла единую фиксационную систему с полом, но при небольшом усилии можно было довольно быстро перемещаться. Что Лиз и сделала. Захлопнув дверь лаборатории, побежала по коридору к связующему узлу. В таких узлах, герметизированных капсулах на стыках коридоров, и собирались все не занятые процессом сотрудники в случае аварийной ситуации. Оттуда можно было быстро

пройти в любую точку станции, переждать ситуацию в относительной безопасности или эвакуироваться прямо в приспособленной для этого капсуле.

На полпути Лиз перехватил сотрудник, занимающийся обслуживанием станции. За ним навстречу Лиз бежали три человека в необычных комбезах, белых с полосой радуги поперек корпуса, видимо, прибывшие недавно гости с Земли. Последний человек, чуть отстав, бежал странно – подпрыгивал, ноги отрывались от пола, через секунду барахтанья в воздухе падал вперед на подгибающееся ноги, выравнивался, разгонялся и снова терял равновесие. Переговорное устройство в шлеме Лиз мягко зашипело.

– Лиз, ты? – она кивнула. – За тобой люди есть?

Четверка, добежав до девушки остановилась.

– Нет, во всей секции никого. Что там?

– Там все плохо. Часть станции, метров двадцать, неожиданно просто исчезла, хорошо, что людей там не было и фогги тоже. Эвакуационный узел на самом краю обрыва, и туда лучше не соваться, там просто космос. Никто ничего не понимает – просто всем незанятым аварией нужно собраться в эвакуационных капсулах. Мы туда и идем... аа... раки!

Человек, выругавшись, показал на рядом стоящих гостей с Земли. Те уже взмывали вверх, беспомощно барахтаясь и размахивая руками.

– Цепляй их, Лиз. Скорее! Они мало приспособлены к невесомости, а гравы отключаются. Сейчас вся энергетика отключится в этом секторе. Нужно уходить.

Они быстро двумя фалами закрепили радужных сотрудников и, выдернув их в гравитационное поле, побежали дальше.

– Как тебя зовут? – Лиз дышала ровно, сберегая дыхание, на повороте коридора они немного замедлились. – Ведь станция движется?

– Мы сдвигаемся куда-то в сторону, возможно, от какой-то аномалии. Я Данил, второй реакторный. – Данил махнул рукой радужным сотрудникам отдыхать. Те чуть не попадали на колени, отдыхаясь. – Станцией управляют, чувствуется слаженная работа. И, возможно, не все потеряно – команды покинуть станцию, нет.

– А дыры эти?

– Не знаю. Никогда такого не видел. Просто часть пространства исчезла, видимо, вместе с вакуумом, – голос прозвучал весело. – Там даже привычного космического излучения нет, а должно быть.

– Ну, невесомость есть, как и везде вокруг. Ну что, куда?

– Нужно пройти вон тем коридором, он узкий, по одному побегим, – Данил обернулся к сотрудникам, те молчаливо покивали. – Потом через ангар, там склад, в главный коридор и к соседней эвакуационной капсуле. Бежать быстро, говорить только по делу. Понятно?

Все, и Лиз в том числе, покивали и бросились по проходу к боковому коридору. Тот был действительно узок – меньше метра в ширину и низок – бежать нужно было пригнувшись.

– Это коридор для платформ. Давайте по одному.

Люди, по очереди нырнув в отверстие, бежали. Лиз впереди, потом трое в радужных скафандрах и Данил, замыкающим. Лиз почти добежала до конца коридора, выходящего прямо в помещение склада, когда динамик шлема снова зашипел.

– Лиз, распусти фалл и беги в склад. Там закрепись и вытягивай нас. Накрывает.

Девушка на бегу бросив взгляд назад, увидела барахтающиеся в проходе радужные скафандры, открепила фалл и бросилась вперед. Добежав, уперлась телом в закрепленную стойку закрытого стеллажа и потянула за фалл. Тянулось легко, в проходе уже показались ноги первого сотрудника, когда Лиз сама почувствовала невесомость. Пробив рукой мембрану шкафа-стеллажа, она нащупала что-то жесткое и изогнутое и, быстро закрепив второй за это что-то фалл «орлана», снова потянула на себя радужные скафандры.

Когда неожиданно погас свет и загорелась аварийная красная лента вдоль стен и на стеллажах, уже все три сотрудника были рядом с Лиз, а Данил мощными гребками-отталкиваниями от стен двигался к ним, освещая все налобным фонарем. Лиз вспомнила про свой и включила свет, поводя взглядом по помещению. И лучше бы не смотрела. Дальняя стена склада стала чернеть, исчезая прямо на глазах, и оттуда мелькнула холодным блеском маленькая звездочка. Именно этот холодный блеск и поселил в Лиз зарождающийся ужас непонимания происходящего. Она невероятными усилиями пыталась заглушить его и начать мыслить трезво, когда сквозь шипение донесся голос Данила.

– Лиз, сюда смотри! Лиз, спокойно, – стены и пол дернулись вслед за отползавшей от провала Лиз, и, наконец, голос дошел до сознания. – Мы сдвигаемся. Нам вот туда. – Данил показывал в сторону прохода между стеллажами. – Без паники! – голос прозвучал строго и отрезвляюще.

Трое в радужных скафандрах не смотрели на исчезающий кусок помещения, поглощенные другим зрелищем. Мембраны на стеллажах, казалось, с треском лопались, и оттуда, при судорожных рывках станции, вываливалось все, что там было. Консервы, личные вещи, бытовая техника, приборы и инструменты, одежда, сумки и упаковки. Пролетела сетка с мягкими игрушками. «Зачем она здесь?» – подумала Лиз, а сетка, столкнувшись с упаковками чего-то длинного, поплыла вдоль прохода к открытому космосу.

– Лиз, быстро сцепись вторым фаллом с другими за вон тот кронштейн, он самый надежный. Я понял принцип этого: сейчас мы сдвинемся от этой аномалии, и все, что есть в помещении, просто вылетит в открытый космос. Будет большой перепад давления. Я вон к тому шлюзу, там грузовой лифт. Если успею, вытяну вас туда.

– Давай, только скорее, по-моему, мы разворачиваемся.

Данил, цепляясь за стеллажи и расталкивая летающий хлам, рванул к шлюзу, желтой отметиной маячившему в конце прохода. Доплыл, закрепился и начал подтягивать остальных. Радужные скафандры помогали, как могли, стараясь не мешать лишними движениями. Когда они были почти у шлюза, Лиз открепила фиксирующий фалл и рванула за ними. Сзади, как показалось, раздался свист, все предметы замерли в пространстве и вдруг стали сдвигаться в одну сторону. Лиз изо всех сил работала руками, не обращая внимания на происходящее, как вдруг что-то с силой потянуло ее назад. Внутри защемил холодок, стала возвращаться паника, но в следующее мгновение ее фаллом быстро потянуло уже вперед. За три секунды, пролетев остающееся расстояние, Лиз оказалась у открывающейся двери шлюза. Двое радужных уже залезали внутрь, третий работал с аварийным управлением, продолжая открывать дверь, Данил наматывал на руку фалл, опережая лебедку. Намотав связку, накинул ее на шею и толкнул третьего радужного к двери. Тот кивнул и исчез внутри, а Данил обернулся к Лиз.

– Лиз, внутрь, держи фалл, там специальные скобы, закрепи. Мне нужно отключить аварийку здесь, иначе дверь шлюза не закрыть. Давай.

Лиз нырнула внутрь кабинки лифта, зацепившись ногами за мягкую роликовую платформу внизу, закрепила карабины, и в этот момент дернуло. Ее чуть не выбросило наружу, только в последний момент она успела вцепиться в скобы сбоку от шлюза. Дверь вырвало, она замерла, вытянувшись перпендикулярно на уцелевших кронштейнах. Повернув голову, Лиз увидела, как радужные скафандры забились в нишу. Третий полностью не входил, с трудом удерживаясь в потоках рвущейся атмосферы станции. В глазах потемнело, загорелись огоньки индикаторов шлема, предупреждая об опасности, в поясице ощущалось покалывание – медблок впрыскивал стабилизаторы, и Лиз поняла, что удар не прошел без последствий.

– Данил! Данил! – Лиз кричала, понимая, что не слышит даже знакомого шипения динамика и не в силах даже чуть придвинуться к двери, чтобы выглянуть. Неожиданно за край отверстия шлюза схватилась рука, и тут же раздался голос внутри шлема – Лиз просто оглохла от удара.

– Нормально. Я в порядке, – Данил выдвинулся к краю шлюза и вдруг, неуловимым движением скользнув за Лиз, там замер, вцепившись в скобу. – Ранена?

– Не знаю, медотсек активирован. Двигаться могу, – Лиз говорила с трудом.

– Как они? – Данил кивнул на радужных, те держались. – Я не слышу их, только тебя по аварийке, что-то в скафандре сломалось. – В голосе послышались веселые нотки. – Нужно уходить вниз, сейчас тут все вынесет в открытый космос. Пошли к ним, вон по тому направляющему. Там включим лифт, он спиральный и с гермозатворами. Только бы успеть.

Они, цепляясь за что возможно и друг за друга, добрались до радужных скафандров, закрепились на краю платформы, и Данил активировал управление.

– Держитесь!

Платформа лифта дернулась, набирая скорость, и лифт сквозь открывающиеся силовые мембраны по спирали пошел вниз. Проскочил два поворота и замер – просто въехал в гору наваленного хлама. Данил сокрушенно помотал головой, собираясь разгрести кучу, когда сзади мелькнуло движение – силовая мембрана стянулась, защелкнулись три гермозамка и вспыхнул зеленый свет, сообщая о герметизации помещения. И сразу спало напряжение – как психически, так и физически – и все просто рухнуло бы на пол, не будь вокруг невесомости.

– Спасибо Святой Матери, получилось, – Данил, облегченно выдохнув, осматривался по сторонам. – Нужно разгрести этот завал. Там дальше еще шлюз, его надо будет закрыть и потом в следующий склад. – Лиз смотрела настороженно. – Ну там вряд ли аномалии, это ближе к центру станции. Там коридор и, возможно, гравы работают. Там нам помогут.

– Уже помогают, – Лиз смотрела вперед. – Вон кто-то завал разгрывает с того конца. Просто связи нет.

– Точно. Ну, надо им помочь, – веселый голос окончательно прогнал холодок ужаса перед непонятным происходящим, и Лиз, а за ней и все три радужных скафандра включились в работу.

* * *

Покореженный диск станции-университета висел в пространстве, тремя разломами наглядно демонстрируя катастрофичность пережитого. Диск был темен, горела только прерывающаяся местами линия огней по ободку и ближе к центру, огни центрального шлюза и принимающих аппарелей. Ремонт пока не начинали, ограничившись проверкой жизнеспособных систем, да и проделать такую работу своими силами станция не могла – ждали корабли с ремонтными бригадами, материалами и необходимым оборудованием. Ждали и эвакуационный катер с внеочередной сменой космонавтов различных специальностей и научную команду. И, естественно, контрразведку эксклава с кем-нибудь из руководства министерства космонавтики. О консервации станции речь не шла – люди упрямо жаждали продолжить работу, восстановить университет и понять произошедшее. Станция просто отошла подальше от так некстати появившихся аномалий и дрейфовала в открытом пространстве на кольце-орбите Малого Астероидного Пояса.

– Главное, никто не погиб, – главный врач центра изучения клетки и геномики человека во внеземной среде свернул старинную лазерную указку, видимо, талисман и, повернувшись от демонстрационного экрана, расправил серый комбез лаборатории, пройдя к столу, сел в кресло. – Кроме двоих тяжелых, о ком я сейчас докладывал, есть еще семеро пострадавших – вывихи, контузия, ударное воздействие и шок. У одного из гостей кратковременная кислородная недостаточность. У троих плюс ко всему радиационное облучение, термические ожоги сетчатки глаз и кожных покровов лица. И, естественно, неглубокие изменения на клеточном уровне вплоть до... В общем, четверо из девяти сейчас находятся в биорегенах.

– Спасибо, Натан Петрович. Мы не сомневаемся, Вы приложите все усилия для выздоровления пострадавших. Сейчас я бы хотел услышать главного инженера.

Руководитель станции, он же руководитель полета и командир экипажа, по совместительству еще и ведущий научный специалист в работе полевой станции-университета, Жорж Солье оторвался от процессов на окруживших его экранах и, набрав команды на панели управления, повернулся к следующему докладчику: – Простите, я не могу оставить процесс, прошу вас, говорите.

– Ну, полный перечень необходимых работ есть у каждого.

Присутствовавшие на брифинге десять человек из руководства комплекса и университета согласно покивали. Главный инженер переключил управление – и информационная полусфера в центре стола преобразовалась в макет станции, висящей в пространстве. Диск конструкции, темнея проломами, медленно поворачивался над столом, на прозрачных экранах вокруг полусферы побежали строчки данных. Люди, глядя на макет, помигивавший огоньками, терпеливо ожидали продолжения.

– Я расскажу последовательность событий, как ее удалось восстановить. Сейчас вы видите, что происходило со станцией. Итак, 09.43 по времени станции. Скорость 27,0977 километра в секунду. Гравитация 56 объектов. В среде изменений нет. Все системы станции в норме. Мощность исследовательского сегмента 75 процентов. Все системы разведки и мониторинга ближнего радиуса работают на сто процентов. ПЛ-контур как раз настроен на любые изменения во внешней среде в четырех естественных и двух предполагаемо-фиксируемых измерениях. Это новая настройка, но семь найденных до этого, фиксируемых контуром алгоритмов, когда другие состояния реальности отзывались на сканер, тоже активированы. Да их и невозможно просто так выключить – это ведь не обогреватели, – главный инженер улыбнулся. – Я это к тому, что появление аномалий просто ниоткуда никак не удалось предсказать, – инженер сделал паузу.

– А Ливит? Он их тоже не почувствовал?

– Совершенно верно. Он описал аномалии как отсутствие чего-либо.

– Так. Отсутствие. Потом говори, не мешаю.

Люди за столом, как всегда в таких случаях, невольно заулыбались, слыша уже привычный голос друга, не являющегося человеком.

– Спасибо, Ливит. Итак, как вы видите, станция идет немного под углом, вращение диска естественное, погрешность менее сотой доли процента. Обратите внимание на точную скорость станции – я не зря про это сказал, потом пригодится. Первый контакт с аномалией произошел в 09.44, сектор 4С7, внешняя линия. Часть станции просто стала исчезать в пространстве. В том секторе оранжереи, лаборатории онтогенеза, конгресс-зал и регенерирующий комплекс. Вот, вы видите, как исчезает полукилометровая беговая дорожка среди кустов и различных деревьев, – инженер увеличил объемное изображение. – Заметьте, станция вращается, полный оборот за шесть минут сорок секунд. И летит в пространстве. Аномалия движется с такой же скоростью – это естественная скорость для дрейфа в этой части пространства, но вращение не прекращает поглощение аномалией части станции. Выглядит так, как будто какой-то невидимый хищник вцепился в добычу и продолжает поглощать, крутясь вместе с жертвой.

– Это что, что-то разумное? – кто-то из присутствующих не выдержал.

– Скорее всего, нет. Это свойство, но не материи, не энергии, скорее, состояния пространства-времени. Это как если брызнуть водой на сухую ткань, влажные пятна расплывутся, вымочив весь кусок. Так и тут – аномалия, найдя, что поглотить, потянулась за этим вместе с вращающейся станцией.

– Но оператору все же удалось отцепиться от этого, – тот же голос звучал немного раздраженно. – Было резкое включение маневровых.

– Совершенно верно. Сдвинувшись, скорее отцепившись от аномалии, мы потеряли естественный заслон от внешней среды. Возник перепад давления, и вся атмосфера и все, что было

в отсеке, вылетело в открытый космос. Мы потеряли часть рабочего сектора вместе с редчайшими видами флоры и фауны, адаптированной к космической среде.

– Да уж, на такую адаптацию они не рассчитывали, – снова тот же голос.

– Простите, я не понимаю, вам что весело? По-моему, веселиться не время – люди пострадали, станция в опасности.

– Вот именно – в опасности. А вы были обязаны обеспечить безопасность и себя и гостей.

– Можно? – Жорж Солье привлек общее внимание. – Мне не удалось вовремя представить всех приглашенных на брифинг. Сразу начались доклады и обсуждение события. Это Ген Шорос – ученый, ведущий консультант и эксперт Нового Принстонского университета, аналитик Американского космического агентства, совладелец сети корпораций, активно поддерживающих науку по всему миру. – Человек в белом комбезе с радужными полосами важно кивнул головой. – Он и должен был читать лекцию в это утро, но она не состоялась и Ген немного расстроен случившимся. Сейчас мы постараемся разобраться в ситуации, и, надеюсь, работа университета войдет в свою обычную колею, – руководитель станции кивнул инженеру. – Прошу вас, говорите, коллега.

– Да, аномалия не только поглотила часть комплекса, она еще и закрыла нас от внешнего космоса, что позволило людям своевременно эвакуироваться. Но дальше все стало сложнее. Смотрите, станция сдвигается на три километра в сторону и попадает в еще одну аномалию. И почти сразу в следующую. Первая задела транспортировочный комплекс и склады, а также законсервированные лаборатории. В том секторе находился только один человек, потом к нему присоединились еще четверо. Они попали в склад личных вещей сотрудников станции, там багажное отделение для посещающих станцию. – Инженер мельком бросил поскучевший взгляд на радужный комбез. – Аномалия снова поглотила часть помещений, оператор принял решение уходить в сторону, и снова все, что было в складе, вылетело в открытый космос. Людям удалось закрепиться, кстати, хотелось бы отметить своевременные и правильные действия младшего инженера второго реакторного Данила. Он находился там случайно, но, благодаря ему, люди спаслись.

– Директорат Союза обязательно отметит действия этого сотрудника. Я лично выношу ему благодарность за спасение. И другому сотруднику, по-моему, девушке – она тоже нам помогала, – Ген Шорос важно посмотрел на всех.

– Я продолжу. Им удалось выбраться в шахту лифта и заблокировать вход. Потом их достали из набившегося в шахту хлама и спасли. Ну, а третий контакт с аномалией оказался самым разрушительным. Удар, если можно так сказать, пришелся снизу, почти в центр станции, как раз в защищенный слой второго уровня. Защиты больше нет, как нет и двух из трех основных эвакуационных капсул. Исчезла основная часть дублирующей системы ПЛ-контура, дублирующая система управления станцией не подлежит ремонту, квантоум потерял десять процентов мощности – исчез отсек формирующих кристаллов. Пострадал третий энергоблок, вылетела в космос половина главного медотсека – там биорегены, запасы лекарств и химии, жизненно важные газы и жидкости. Кстати, выброс такого атмосферного потока и отбросил станцию от аномалии – мы просто сдвинулись от нее, а дальше оторвались, так сказать естественным способом. Оператор, не зная расположения аномалий, все-таки вывел станцию в чистое пространство.

– А то, что попадало в эти аномалии, исчезло навсегда? – пожилой человек в сером усиленном комбезе поднял ладонь, прося слова. – Ведь дроны были отправлены, они не только информацию собирали, но и то, что было возможно, из обломков.

– Очень правильный вопрос. Да, скорее всего, все исчезло бесследно, информация с дронов обрабатывается, но ничего достойного внимания, к сожалению, ожидать не приходится – аномалии даже невозможно определить. Вообще обсуждать саму аномалию немного рано – вскоре должны прийти данные с Земли – человечество уже сталкивалось с подобным, помните

известного ученого-космонавта Николу Ивановича. Вот он попал в скопление похожих аномалий и сейчас не может вернуться из рукава Центавра. Но сейчас мы можем послушать, что скажет Ливит, у него гораздо больше информации, чем у людей, он в Едином информационном поле Вселенной и его сущности, точнее части или особи, скорее всего, сталкивались с подобным. Говорите, Ливит, мы внимательно слушаем. Все действительно стали слушать очень внимательно, тихие разговоры смолкли.

– Это след. Они оставляют след. Как белка на снегу.

Люди озадаченно уставились на зелено-оранжевый сигнал главного экрана, обозначающий присутствие Ливита в помещении. Лица выражали вопрос, сомнение и непонимание одновременно.

– Чей след? – в голосе Гена Шороса уже не было раздражения, только удивленные властные нотки.

– Не знаю. Нет данных сейчас. Много смотреть. Много думать. Нужно воссоединение.

– Ливит, ты имеешь в виду, что тебе нужно к той сфере, что образовалась из разобранного щита? Тебе нужно к Земле?

– Лететь к Земле. Центр связи. Все не надо, только малый объем. Легкий контейнер на корабль. Так быстрее.

– Понятно. Группа прибудет через сутки, хорошо?

– Да. Хорошо. Я говорить. Квантоум даст рисунок.

Информационная полусфера в центре стола потемнела, книзу покрылась далекими точками звезд, сообщая о местоположении станции. У края возникла маленькая объемная станция и поплыла к противоположному концу сферы. На середине пути ее встретили разного размера двухмерные кляксы, расположенные в разных плоскостях. Внутри кляксы, как следы от капель на плоскости, были прозрачны, и только по ободку шла темно-красная обводка.

– Внутри провал. Пустота. Настоящая. Красная обводка – измененное состояние многомерности. Так?

– Мы поняли, Ливит. Говори дальше.

– Это предполагаемый быть. Их не видно.

Кляксы, самая большая размером вдвое превышающая станцию, задвигались, меняя расположение и плоскость. Ближайшая потянулась к приближающейся станции. Коснувшись, начала стирать объемный рисунок. Диск станции дернулся, уходя в сторону, наскочил на две совсем небольшие кляксы, в диске образовались дыры. Рывками уходя в сторону, диск рванул вверх по короткой спирали, ускорился, выходя на прямую траекторию и плавно поплыл к противоположному концу полусферы.

– Да, действия оператора в высшей степени профессиональны. Он как будто чувствовал аномалии. Ливит, вопрос. Вы работали вместе?

– Да. Я предположил. Оператор вел. Видеть ПЛ-контур. Он хорошо.

– Да, он молодец, – Жорж Солье успевал работать с панелью управления, что-то контролируя в процессах. – Значит, эти аномалии – просто следы, оставленные кем-то?

– Так. Это сущности. Другие. Ходят, где хотят. Даже внутри звезды. Тогда взрыв. Следы – большой редкость. Фогги могли видеть. Мало в этой галактике. Везде мало. Изменение пространства-времени. Необратимо.

– Значит, срочно нужен контактер с фогги. Кстати, как там наш Джон?

– Нормально. Он находился в транспортном ангаре, там его любимое место пребывания. Когда часть ангара исчезла в аномалии, он своевременно переместился в противоположный конец и не пострадал. С ним сейчас Лиз – руководитель исследований и другой персонал тех лабораторий.

– Она же может контактировать?

– Может, но только ограниченным набором фраз. Как все знают, нейрошлемов для полноценной работы изготовлено всего три штуки, – главный инженер развел руками. – Я полностью согласен с запретом на производство, человечеству просто рано иметь такие возможности, как, извините, обезьяне гранату. – Инженер демонстративно не смотрел на край стола, где восседали радужные скафандры во главе с Геном Шоросом. – Но у нее есть капсула контактера, она продолжает работы известного Вальтера Родригеса и не откажется помочь.

– Тогда проверьте ее занятость и сообщите о нашей просьбе (Лицо Гена Шороса покраснело от этих слов). Ливит, я думаю, вы хотите еще что-то сказать.

– Так. Вы думать. Вы чувствовать. Хорошо. Следы есть. Нужно понимать причина. Доступный анализ 75 процентов – это важно. Не просто ходили, пришли. Знание – готовность к переменам.

– Это верно. Спасибо, Ливит. Предлагаю, пока мы ждем Лиз, заслушать доклад Андрея Игоревича об имеющихся ресурсах станции. Прошу, – Жорж Солье посмотрел на следующего докладчика.

Молодой человек, как две капли воды похожий на главного инженера, только явно помладше, вежливо кивнул главному руководителю, кивнул старшему брату и поочередно всем присутствовавшим. Немного нервничая перед докладом, развернул переносную умку и, поднеся ладонь ко рту, откашлялся.

* * *

Свободно летящий в пространстве трехцветный волосок огромным изгибающимся в разные стороны монстром долетел до поверхности, бугрящейся не менее причудливыми изгибами микромира. Не долетев сложно выразимых единиц расстояния, стукнулся о генерируемое частицами поле, вызвав бурю сложных реакций, и, так же неспешно поворачиваясь, полетел обратно. Угол полета изменился, и объект попал в зону действия дрона-пылесоса, запрограммированного на чистку пространства помещения именно от таких мельчайших деталей. Дрон активировался, развернув изогнутый под углом раструб, втянул волосок, едва видимо мигнув темной полоской идентификатора, свернул раструб и, вернувшись на свое место под потолком в углу, замер. Наблюдающий за ним здоровенный трехцветный кот с обмороженными ушами фыркнул, презрительно пошевелив торчащими усами, и вальжной походкой направился к высоко висящему креслу посередине рубки управления перед тремя вогнутыми экранами. Там присел, метя пол хвостом, и, резко взвившись вверх, запрыгнул на широкий подлокотник кресла. Покрутился там, подняв хвост, и разлегся, прищуренными глазами наблюдая за Николаем Ивановичем.

– Ну что, разбойник, проснулся? – старик, протянув руку, погладил ставшей умильной мордочку. – Сейчас посмотрим. – Вывел на экран последние данные второго биорегена, вчитался. – Ага, смотрю, ты помолодел. Такими темпами тебе скоро и кошка понадобится. – Никола Иванович усмехнулся в усы. – Иди вон, поешь. Я тебе там корма насыпал, сегодня тебя синтез-комбайн порадует – корм с печенкой, почти настоящей.

Старик подтолкнул кота, тот понимающе зевнул и, спрыгнув на пол, снова неспешной походкой дошел до поворота в маленький камбуз-отсек. Встал лапами на темно-синий участок пола, ожидающе уставился на низ стены. Открылась панель, и из отверстия выдвинулась миска с горкой корма. Кот, жмурясь от удовольствия, захрустел на всю рубку.

– Вот-вот, похрусти-похрусти, для зубов полезно, – Никола Иванович улыбаясь отвернулся от домашней картины и внимательно посмотрел на средний из трех экран. – Что у нас тут...

Четкая картинка высокого разрешения показывала участок космоса перед зависшим небольшим четырехметровым астероидом с закрепленной на нем странной конструкцией, собранной, видимо, из подручных материалов. Сквозь корпус из панелей внутренней обшивки, каких-то бытовых системных блоков и мягкой изогнутой спинки кресла торчали мигающие

многочисленными датчиками не менее странные приборы. Два монтажных дрона крепили к конструкции импровизированный парус с тонким цилиндром пульсатора из растянутого упаковочного чехла матового эластичного материала, натянутого на тонкие ребра направляющих. Три туманных образования – фогги принимали непосредственное участие в процессе, направленными разрядами в создаваемом инертном поле, заваривая пока открытый корпус конструкции. От висящей в ста километрах мерцающей планеты отделился еще один туманный рой и двинулся к импровизированной строительной площадке.

– Вон еще помощники идут, – Никола Иванович погладил котовью мордочку, тот запрядал ушами, с силой натираясь о ладонь. – Сейчас закончим и станем пробовать.

– Доброе утро, Никола Иваныч, – мелодичный голос, сопровождаемый оранжево-зеленым сигналом на панели управления модулем, казалось, ворвался в жилище отшельника. – Анализ предположений 34 процента положителен. Я закончила алгоритм.

– Доброе утро, дочка. Как спалось?

– Хорошо, но я не спала, мне не нужно.

– Дай на третий данные анализа.

Разговор старика с Ливитом мог бы показаться странным всем, кто близко не знал Николу Ивановича. Немудрено, что столь жизнерадостный человек потратил почти два года вынужденного затворничества в модуле корабля с котом и небιологической разумной сущностью не только на повседневные заботы и изучение происходящих вокруг процессов, но и озаботился устройством нормального человеческого общения и домашней атмосферы. Фогги с рядом висящей в пространстве газовой планетой-домом и огромный, немного вытянутый многокилометровый в поперечнике ливитный эллипсоид, рядом с человеческим модулем в небольшом коконе Ливита, составляли зависшую в гравитационном колодце семью разумов, скрашивая одиночество и оторванность от привычного человеческого мира.

– Никола Иваныч?

– Да, я слушаю.

– Я шутить. Вы меня скоро по части разберете.

– По частям. Но ведь ты сказала, что исчезновение такой микроскопической гранулы в аномалии совершенно незаметно для такого большого организма. Да у нас и выхода нет.

– Я знаю. Это нужно. Но все равно не... хотелось, когда информация просто исчезает навсегда возможно.

– Я понимаю. Мы стараемся, может быть, в этот раз мы продвинемся в изучении аномалий.

– Это седьмой эксперимент. Вы говорил – семь хорошо. Так число.

– Помоги, Святая Мать. Ну ладно, давай, загружай контейнер. Фогги закончили, все работает отлично, вон и помощники подтянулись.

К конструкции, закрепленной якорями за маленький астероид, одновременно с вылетевшим из кокона контейнером приблизились еще несколько фогги.

– Дочка, скажи им, чтобы сильно не разгоняли астероид, точнее, чтобы сбросили скорость до нуля в нужной точке. Он сам дойдет, куда нужно, только ты регулируй, как всегда.

– Хорошо, Никола Иваныч.

Астероид с необычной конструкцией, окруженный мерцающим туманом, дернулся и плавно поплыл в пространство. Разогнавшись, туманное облако исчезло с главного экрана, пройдя трехсот километровое расстояние за несколько минут. Вскоре картинка на экране сменилась, и часть астероида с конструкцией стала видна с трехметрового расстояния – укрепленная на штативе фиксирующая камера позволяла видеть картинку как на ладони. Астероид уже тормозил, разворачиваясь. Поверхность и переднюю панель конструкции, всю в различных датчиках и сканерах, стало видно еще четче – астероид повернулся к далекому, но яркому

местному Солнцу – бело-голубой точке с огромным в полнеба ореолом и многочисленными гало.

- Скорость нуль, Никола Иванович.
- Отлично, пусть уходят. Все, начинаем работать.
- Передаю.

На соседнем экране чернота космоса с небольшим астероидом в центре расцвятилась многочисленными, разного размера и формы, чудовищными кляксами – как будто на чистый стол с силой плеснули что-то липкое и тягучее. Кляксы не отражали ничего, кроме, казалось, еще более прозрачной пустоты и только по ободку фигур шла тончайшая красная полоска-контур. За последующие пятнадцать минут напряженной работы двумя джойстиком Никола Иванович, временами протирая глаза и стряхивая пот со лба, подвел астероид на еле работающих маневровых почти вплотную к контуру крайней кляксы.

– Ндаа... Все-таки надо было поближе подвезти. Давай, дочка, активируй контур и бросай приманку. Я готов.

- Сделано. Бросаю. Три, два, один – пошла.

Третий экран расцвятился красной полосой в переливах темно-бордового. По красному полю, увеличенной во много раз тонкой обводке прозрачных клякс, двигаясь во все возможные стороны, замелькали черные хаотично ветвящиеся полоски, блестя еще более черными искорками. Изменяющийся рисунок для человеческих глаз был и пугающим, и завораживающим, но Никола Иванович туда не смотрел, полностью поглощенный процессом на главном экране и управлением маневровыми.

На панели конструкции, среди сигнальных маячков, выдвинулся двухметровый стержень – завершающая часть конструкции ПЛ-сканера, уже в который раз усовершенствованная после прошлых аварий. Один маячок на панели загорелся зеленым, сканер заработал, и тут же снизу конструкции выскочила приманка – небольшой просверленный насквозь отработанный аккумулятор, прикрепленный за отверстие трехметровым проводом. До чуть дрожащего контура оставалось меньше полуметра, когда Никола Иванович потянул аккумулятор назад – и тут же аномалия незаметным, почти невидимым для глаз, движением дернулась за добычей. Человек выиграл – расстояние увеличилось до метра, и контур кляксы замер в пространстве, подрагивая и чуть изменяя форму.

– Чуть не сожрал, – старик вытер пот, бросив мимолетный взгляд на соседний экран. – Дочка?

- Пишу, Никола Иванович. Полтора процента предполагаемо возможного.

Приманка снова пошла вперед. На этот раз старик еле успел отреагировать на стремительный бросок кляксы, остановившейся в полуметре от круглого наворачивания ПЛ-сканера. Приманку удалось сохранить, но клякса развернулась и прилепилась к выступающему краю астероида, сразу исчезнувшего, как будто его срезало.

– Захватывает, у нас полминуты, потом процесс необратим, – Никола Иванович по привычке разговаривал сам с собой, пытаясь одновременно сдвинуть астероид в сторону и регулировать расстояние от сканера до невидимой кляксы, опасаясь потерять устройство. – Сколько, дочка?

- Семнадцать процентов возможного. Нет энергии больше. Я даю всю.

Никола Иванович бросил мимолетный взгляд на второй экран, где вдалеке, чуть видимый на фоне космоса, висел в пространстве переливающийся зелено-оранжевым огромный эллипсоид ливита. Сжав зубы, расслабил напряженные пальцы, давая им повышенную чувствительность, и снова послал приманку вперед.

– Пишу. Сорок четыре процента. Через секунду: шестьдесят семь. – Старик еще сильнее сжал зубы. – Девяносто четыре. Сейчас бросится, Никола Иванович, очень тонко.

- Пиши и...

Между джойстиком на панели управления загорелся зеленый сигнал, и тут же клякса дернулась, поглощая штатив ПЛ-сканера вместе с приманкой-аккумулятором. Запищал аварийный зуммер – аномалия поглощала не только астероид, но уже добралась и до незатейливой конструкции. Никола Иванович, задействовав маневровые на полную, рывками выводил объединенный астероид назад, вычерчивая в пространстве замысловатую спираль. Клякса, дрожа тонким контуром, не отставала, не желая бросить добычу. Когда в глазах уже темнело от напряжения, а руки окончательно отказали старику, раздался на этот раз мелодичный звон колокольчика, сообщая о повреждениях в свободно дрейфующей конструкции на остатках астероида.

– Дочка?

– Получилось, Никола Иванович. Сто процентов. Я уже обрабатываю доступные данные. Нужно долететь.

– Долетим, дочка. Теперь долетим, – старик тронул поясной медблок, тот защелкал, передавая данные на браслет и впрыскивая нормализующие инъекции. – Сейчас только отдохну немного.

Через полтора часа рубка в очередной раз превратилась в аналитический центр – теперь с реальной надеждой на изменения. Корабельный квантоум работал почти на пределе, производя сложнейшие расчеты. Никола Иванович, обложившись информационными накопителями, съемными блоками памяти и рукописными листами, «дочка», привлекая для расчетов и анализа все ресурсы ливита в системе, и даже кот, наблюдая за происходящем на экранах и хитро щурясь, – все вносили свою посильную лепту в происходящее. Фогги, искря пепельным туманом, висели невдалеке от кокона, отдав всю имеющуюся информацию своей планеты. Наконец, Никола Иванович, введя в квантоум расчеты и дождавшись подтверждения, активировал программу и не дыша прочитал появившийся на экране алгоритм. Не веря, перезапустил процесс и, прочитав еще раз, поднял голову, посмотрел на насторожившегося кота.

– Дочка, – пауза в тишине рубки была естественной. – По-моему, нам удалось.

– Я уже поняла, Никола Иванович. Это хорошо.

– Ну, шибко радоваться не станем, лучше продолжим работу. Давай на экран расположение аномалий с доступными характеристиками. И сообщи фогги, пусть готовят охотников, будем играть в «найди то, не знаю где», – старик, наконец-то расслабленно выдохнув, свободно и радостно рассмеялся.

* * *

По широким, уходящим вдаль на километры, плавно меняющим форму, рельеф внутреннего покрытия и диаметр, скорее, просто ширину и высоту, бродил, казалось, бесцельно, человек в сером орбитальном скафандре высшей степени защиты. Ни низкая гравитация – при желании, можно было совершать десятиметровые прыжки, ни тяжелый с виду ранец «орлана» за плечами, ни обстановка вокруг, даже отдаленно не напоминающая земные пещеры, не давили бы так на человека, как тяжелые раздумья. Так случилось, что после брифинга, организованного по закрытым каналам связи с Землей, где присутствовали представители руководства трех эксклавов, директората Союза Корпораций и министерств космонавтики – всего с учеными и аналитиками около сорока человек, повод для раздумий добавился сразу – как будто не хватило предыдущего.

Прилетевший от станции-университета ПКЦ-119 вчера утром корабль доставил не только людей с покоренной аномалиями станции, но и бесценную информацию. Контейнер с Ливитом – импровизированный информационный накопитель – доставили сразу сюда, на высокую орбиту, где плавно перемещался Центр Связи, как его называли все, совершая полтора недельный полный оборот вокруг планеты. Три сменяемых сотрудника Центра, эллипсоидного ливитного образования, работали не покладая рук, почти без сна и отдыха, кроме предписанного необходимостью. И только Николай вынужденно отвлекся на брифинг, благо покидать Центр не пришлось – инфопоток, усиленный возможностями Ливита, рабо-

тал отлично и с высокой орбиты. Ситуация, обсуждаемая на брифинге, заслуживала пристального внимания, но Николай, присутствующий как аналитик и ливитер, не ожидал поступления новой информации от собравшихся, – наоборот, от него ждали разъяснений произошедшего. Доклад Николая занял не более трех минут и еще двадцать он пытался отвечать на вопросы присутствовавших, применив данное ему как ливитеру и единственному оператору Центра связи Ливита право не делиться всей полученной информацией ни с кем из людей. Право было дано на отдельной сессии Совбеза Организации Объединенных Эксклавов полтора года назад после преобразования ливита в эллипсоид, кружащий на высокой орбите вокруг Земли – похожий Центр связи обнаружили во время прошлой экспедиции к Юпитеру, и с тех пор соблюдалось неукоснительно, несмотря на многочисленные попытки некоторых корпораций Союза получить доступ ко всей информации. Николай был космополитом – он принадлежал ко всему человечеству, не разделенному на эксклавы и сообщества. Его заботы о планете, возможности контакта с Ливитом и получение информации из Единого Информационного поля Вселенной были признаны всеми, и его право на тайну уважалось большинством людей. Как считалось, ничего не скрывать Николай обязан был только на особой сессии Совбеза ООЭ, посвященной безопасности планеты и санкционированной руководствами всех эксклавов без исключения.

Два других сотрудника, находящихся в человеческом сегменте встроенного научного комплекса Центра – от дружественного эксклава Поднебесный и Союза Корпораций тоже были космополитами и, что важно, близкими друзьями, но и с ними Николай не мог поделиться полученной информацией. Для других людей, пусть и кибер-ливитеров, могущих общаться с Ливитом, Единое инфополе Вселенной было закрыто, и обсудить ситуацию можно было только со старым другом – разумной, неорганической сущностью Ливит. Сейчас же даже Николай пока не решался на обсуждение, стремясь как-то уложить в голове, переварить узнанное, и одиноко бродил по пустым, покрытым нереальными рисунками и изгибами, ужасным и добрым одновременно, энергетическим каналам внеземного Центра Связи.

Для фогги – теперь друзей людей, проникавших в возможные для них уголки галактики, для Ливита, обладающего огромными знаниями и возможностью контактировать в Едином инфополе и, естественно, для людей найденные, точнее так неожиданно появившиеся, следы были огромной редкостью. И, тем не менее, ужасающей редкостью. Фогги считали такие следы – места в пространстве Вселенной чуть ли не порождением самого зла, небытия, где навсегда исчезало все могущее существовать – и тело, и сознание. Ливит, проанализировав накопленную за многие тысячелетия информацию, описал следы как оставляемые некими сущностями – невообразимо малыми и в тоже время невообразимо огромными, червоточины в одномерном для них пространстве-времени. И невообразимо многомерном для нас, живущих и существующих с одной стороны в реальности нашего здесь и сейчас, а с другой, присутствующих внутри даже не в осознаваемом нами мире этих сущностей – внутри именно их сознания. Эти следы оставлены при перемещении, а такое перемещение этих сущностей внутри создаваемой ими одномерности пространства-времени-сознания может быть только с одной целью – они перемещаются за едой. А еда для них – насыщенные информативностью, по сути жизнью и осознанием участки вселенной, так сказать, растекшейся по невообразимой ширины полю пространства-времени-сознания. Эти сущности являлись естественными врагами других сущностей – наблюдателей, несмотря на то, что ни одно живое существо не смогло бы назвать наблюдателей врагами, ибо они не только оберегали любую жизнь в обозримой Вселенной, но и создавали ее.

Появление следов говорило о многом. Во-первых – этих сущностей что-то привлекло в данной части Вселенной, возможно, именно информативность. Во-вторых – они охотятся именно за сознанием, оставляя за пространством, насыщенным энергиями и частицами, право второго блюда, но нападают, поглощая именно пространство. В-третьих – появление их в реальном физическом пространстве можно было бы расценить как разведку. И главное, в-

четвертых, что выделил сам Ливит, проанализировав недавно пришедшие информационные пакеты из других Центров Связи или естественных ливитных образований, – и об этом Николай боялся даже думать. Сущности поглощали осознание живущих только в пределах своего собственного осознания, одномерного для себя и неисчислимо многомерного для прочих. И если не поглощали окружающий кусок пространства целиком, оставляли пострадавшему возможность существовать – но уже другим. Другим существом в старом теле или энергии, но с новыми возможностями существа и с непредсказуемыми поступками и желаниями, просто меняли навсегда его сущность. После изменений это могло быть что угодно – от мудреца-оберегателя, заботливой матери-созидательницы до воина-повелителя или страшного монстра, уничтожающего всех и вся. Информация об этом была обрывочна, по сути ее почти не было, только предполагаемый анализ, но, по словам Ливита, такое случалось с некоторыми существами во Вселенной и, возможно, даже в нашей галактике. И самое страшное озарение или размышление настигло Николая именно в этих пустынных коридорах – он понял, что природа человека такова, что он сам станет искать эти следы и этих сущностей в надежде контакта и изменения себя. Ведь до сих пор один из ведущих стимулов человека – власть, возможность повелевать и стать хозяином всего и вся, а то и самим Богом, как его некоторые представляют, и это страшно. Обладая такой информацией, человек может пойти на многое, даже принести в жертву себе подобных. И его, и их необходимо оберечь от этого. Оберечь нужно не только людей, а вообще все живое и разумное от этих сущностей – Николай уже называл их мысленно инверсами, по аналогии с космической и антропной инверсией мыслителей прошлого. И помочь нужно и Ливиту, и фогги тоже и, возможно, наблюдателям – или принять их помощь. Нужно срочно отправить гонцов-фогги к ПКС-119 с просьбой уйти как можно дальше от следов. Отправить гонцов с ливитом-инфонакопителем к застрявшему среди таких же следов два года назад Николе Ивановичу. Срочно отправить гонцов-фогги к Иану – там самый лучший из имеющихся у человечества исследовательский корабль с Ливитом внутри, у них наиболее полная информация о любых проявлениях необычного на доступных просторах Вселенной. И нужно созывать закрытое совещание Совбеза ООЭ.

Николай поднял голову и сразу почувствовал, что на него смотрят – не глазами, а просто осознает его и чувствует вся насыщенная жизнью и сознанием летящая в пространстве постройка Центра. Внутренне улыбнулся и почувствовал такую же улыбку другого существа.

– Твое сознание прояснилось, поток мыслей утих, состояние организма приходит в норму, наверное, и настроение поднялось, – голос проникал как всегда сразу в сознание, не вызывая потерю защищенности или недовольства. – Я решил, что можно тебя отвлечь. Поговорим?

– Да, ты прав, к кое-каким умозаключениям я пришел, – доброта и улыбка в голосе Николая перемежалась строгостью звучания под гулкими сводами туннеля. – Ливит, мне нужна вся информация об изменениях сознания под воздействием этих сущностей. И кое-что про их следы. Но давай по порядку, так лучше.

– Тогда давай в свою ливитёрную, – чувствовалось, что Ливит усмехнулся. – Там есть экран, проекции в сознание недостаточно.

– Бегу.

Николай прыгнул. Серый скафандр, разгоняясь и совершая все большие прыжки, исчез за очередным изгибом покрытия туннеля. Еле передаваемый шум прыжков утих, и в пространстве наступила, казалось, незыблемая, замороженная тишина пустоты небытия.

* * *

Ген Шорос расстегнул галстук-шнурок с титановой позолоченной брошью-лейблом Нью-Принстонского университета, изображающую лысого человека в тоге, высоко поднимающего полную чашу. Стянул шапочку с сиреневой кисточкой высшего магистра, и лицо, выражавшее строгость и величие, сменилось другим, выражающим просто усталость и безразличие.

Найдя неверной рукой липучки-фиксаторы, расстегнул мантию и, стянув, отбросил в сторону. С широким поясом личного оберегателя – военного медблока последних разработок с кучей дополнительных функций – возился дольше, освобождая шлейфы. Наконец справился, и медблок-квантоум полетел на пол вместе с белоснежной сорочкой. Термопленки и высокие самозатягивающиеся ботинки дополнили образовавшуюся на полу кучу, и Ген шагнул к шкафчику со штатным защитным противогелевым комбезом. Натянул комбез, закрыв лицо прозрачной маской, пропускающей все, кроме геля и, вздохнув, шагнул в овальное отверстие чуть ниже роста человека, закрытое подрагивающей мембраной. Трехметровый слой сканирующего геля за мембраной Ген прошел медленно, как человек, двигавшийся по дну бассейна, наполненного жидким маслом, и вывалился наружу через такую же мембрану в следующее помещение. Стерев с лица немного мешающего видеть и оставшегося после процедуры геля, вошел в душ. Меры безопасности здесь, что и говорить, были жестковаты.

Ощущение пола под ногами привычно растворилось, душ-лифт провалился вниз. Ген не видя тронул боковой сенсор, включая воду, и сбросил на пол уже растворяющуюся в потоках воды защитную маску. Вскоре туда же добавился и комбез, и Ген замер в струях чуть горячей воды. Три минуты спуска до закрытой от всех подземной части университета позволяли не только расслабиться, но и настроить мысли, и Ген, сделав брешь-паузу в вялом течении мыслей-образов, активировал привычно мощный поток анализа и внутреннего контроля, размышляя о произошедшем.

То, что Гена Шороса, пусть и рядового ученого-практика, но влиятельного управленца в одной из главных корпораций Союза – корпорации МОФ, аббревиатура незатейливо расшифровывалась как «Менталитет будущего», пригласили на эту встречу в закрытый и секретный бункер службы обеспечения и инфраструктуры университетов эксклава, говорило о многом. А то, что про эту встречу не было сообщено никаких подробностей, кроме предупреждения о невозможности отказаться, сообщило бы управляющему не ниже ранга Гена о том, что встречу назначил некто из высокопоставленных руководителей директората Союза Корпораций. И разговор может касаться недавних событий, произошедших на станции ПКЦ-119. И еще – недавних научных открытий ученых корпорации МОФ, касающихся внедрения искусственного сознания частично нефункциональным биодонорам. И главное – недавно полученной, благодаря созданной сети мониторинга в научной среде эксклавов, информации о том, что друг человечества Ливит (тут Ген Шорос как всегда покривился) обладает информацией, полученной из Единого инфополя Вселенной о возможности изменения не только человеческого сознания, но тонкой энергогеномики человека. Что открывало возможности изменения генома до невообразимых контролируемых мутаций и даже позволяло в будущем создать существо, абсолютно не сравнимое с человеком по возможностям. От таких возможностей захватывало дух, и Ген Шорос не удивился срочности и секретности предстоящей встречи.

Лифт остановился, теплые струи исчезли, освещение внутри кабинки-душа приняло чуть зеленоватый оттенок, и Ген включил осушку. Проведя руками по лицу, улыбнулся себе в зеркальную стену кабинки и, достав из шкафа-мембраны другой комбез, уже темного цвета, облекся в него, набросив легкий капюшон, закрывающий шею и макушку. Толкнул двери лифта, плавно ушедшие в стороны, и вышел в узкий наклонный коридор, освещаемый только светоземлементами пола. В конце коридора открылась дверь, и навстречу Гену вышел человек в таком же темном комбинезоне. Открытое лицо улыбалось, казалось, какой-то монолитной улыбкой, скорее, улыбкой статуи.

– Рад приветствовать вас, – человек говорил почти не разжимая губ. – Я позволил себе встретить вас. – Ген кивнул. – Если вы готовы, прошу. Нас ждут.

Ген кивнул еще раз, общение с этими людьми требовало большой концентрации. Уважение, проявленное при встрече, можно было расценить как угодно и, конечно, ожидать чего угодно, но Ген был уверен в себе, насколько это было возможно. Он реально оценивал свою

значимость для этих людей, по сути управляющих мировыми процессами, и, более того, он сам желал и стремился к тому, чтобы стать частью этой касты.

Два темных комбинезона прошли небольшой тамбур-шлюз, сейчас свободно открытый, на черной ткани мелькнули разноцветные тонкие полосы сканеров, и оказались в большом круглом и низком – не выше трех метров – помещении с ромбовидным столом в центре. Темно-серая переливчатая полусфера над столом мерцала огоньками и линиями, над тремя спинками кресел, стоящих вокруг стола среди других таких же, мелькали огоньки защитных зонтиков связи, но больше света в погруженном в полутьму зале не было, не считая разгорающегося временами огонька тонкой курительной палочки. Огонек прочертил кривую и потух в настольном утилизаторе, а навстречу вошедшим поднялся из глубины кресла человек.

– Рад встрече, мистер Шорос, – говоривший, уже пожилой человек с ничего не выражающими глазами, четко выговаривал слова, но чувствовался какой-то еле неуловимый, скорее всего, специально используемый мягкий акцент. – Я надеюсь, вас не раздражает полутьма. Как говорил один древний литературный персонаж, «концентрация дыма способствует концентрации мысли». А я добавил к этому еще и концентрированную тьму. – Человек засмеялся всем маленьким лицом и повернулся к столу. Ген тоже повернулся, приглядываясь к полутьме.

– Меня вам представлять не нужно. И вам не нужно представляться этим людям, вы нам хорошо известны, – человек снова улыбнулся всем лицом, глаза заискрились. – А вот вам я представлю наших собеседников. – Ген покивал. – Вас встретил мистер Лакмус, ведущий эксперт нашей космической корпорации исследований необычных проявлений Вселенной. В его ведении как исследователя и центры коммуникации и дальней разведки. А это Гелла Бриоль, член совета директората корпорации «Билдинг Генес», и, кстати, это донорами вашего «Менталитета будущего» они пользуются. А вы в свою очередь используете их разработки, например, при вербовке «спящих» агентов – это когда поэтесса просыпается агентом контрразведки. – Человек снова рассмеялся.

Собеседники покивали улыбаясь и по приглашению пожилого человека расселись вокруг стола. Зонтики закрытой связи над креслами потухли, зато ярче засветилась главная полусфера в центре. Там в окружении раскинувшихся звезд и планет загорелись красная точка и сразу почти с другой стороны полусферы еще одна.

– Это так называемые следы пока неизвестных сущностей. А вон те три желтые точки – три центра связи ливита, один у нашей планеты и два других, недавно обнаруженных с помощью фогги в трех тысячах световых лет и в четырех с половиной соответственно. Связь между ними осуществляется не непосредственно друг с другом, а через какой-то единый центр, возможно, за пространством галактики и занимает просто невообразимо малый отрезок времени. Как сообщает Ливит, наша богатая информацией взвешенная сущность – это просто взаимодействие в Едином поле Вселенной. Это энергия, но энергия других порядков, для простоты скажем, энергия недоступного нам пространства-времени. Но нам удалось рассчитать возможные точки в реальном пространстве ее наибольшей концентрации. С помощью фогги мы послали туда наши новейшие сканеры. Записать им удалось немного, это как топором разрубить на равные части летящую в полете снежинку, но кое-что удалось понять. Несколько часов назад приемник на орбите принял кодированный инфопакет, предварительно снятый фогги со сканера, доставленный и загруженный в передатчик, и теперь мы имеем следующую информацию, – пожилой человек посерьезнел уже привычно веселым лицом и внимательно посмотрел на Гена. – Эти следы оставлены существами, могущими изменять природу других существ. Они не только меняют сознание, они меняют сам энергоген, саму суть предназначения, энергоград существа. Любое существо во Вселенной, человек или кто-либо другой, если не погибнет, изменится необратимо. Возможно, из фогги получится сверхфогги, из человека – сверхчеловек и, может быть, даже приносящий такое же, как и он, сверхпотомство. Мистер Шорос?

– Да, информация, полученная от агентов в ПКЦ-119 и в инфраструктуре Центра связи подтверждает сказанное вами. Более того, одному из агентов, занимающемуся техобслуживанием дронов, удалось сохранить просто огромный объем данных, и сейчас после обработки можно предположительно, – Ген сделал паузу, – утверждать, что следы, точнее, обводка по контуру этих следов, необратимо меняет структуру вещества. А агент внутри лабораторий университета сообщает обрывочную информацию о разговоре руководства ПКЦ-119 с тамошним фогги. Анализ полученного так же полностью подтверждает ваши слова, – Ген Шорос посмотрел на представителя директората Союза.

– Отлично. Итак, поговорить нам есть о чем, – пожилой представитель азартно потер руки. – Мистер Лакмус. Я бы хотел послушать сначала вас о происходящем в обозримой Вселенной. Достойны внимания любые передвижения сверх малых буюв и дронов разведки и любые байты длинной информации. – Человек за столом малозаметно кивнул и холодными глазами посмотрел на собеседников.

Глава 2

Ярко-оранжево-красная вблизи и тускло-белая с невообразимых расстояний, звезда-мать системы испускала одни частицы и нагревала другие до миллионных значений температуры только вблизи себя. Как и в трех единицах расстояния, так и в сорока, наполнял пространство вакуумов почти одинаковый холод, отмечая возможность привычной органической жизни – сюда, благодаря силе осознания, долетело только известное название четырехмерной территории – пространство пояса Койпера. Вакуум, по составу более похожий на состояния древнего вещества – предшественника образования галактики, космическая пыль и газопо-кристаллические облака составляли неспешное бытие пространства. Замороженные вечным холодом метан, аммиак и лед, водород и углерод, органические вещества и соединения, кометные и астероидные образования различных составов, жизненных циклов, траекторий и периодов обращения, карликовые планеты и динамически активные облака скоплений – все это пронзалось извечным реликтовым излучением и потоком частиц, испускаемых далекой звездой. Дрожало и вибрировало в искривлениях четырехмерного пространства, несло заряд движения и жизни, видоизменяющихся и перетекающих друг в друга процессов и, творя порядок увеличивающимся хаосом, увеличивало и множило информативность живой Вселенной.

Но жизнь разумных существ проявилась и здесь. Почти четверть века назад силами космических корпораций Союза на орбиту карликовой планеты Хаумея был отправлен автономный гравibuй с установленным на нем не только штатным оборудованием для дальней разведки и исследования космоса, но и мини-квантоумом, способном обрабатывать полученную информацию, вести исследования, отправлять дроны-разведчики. Искусственный интеллект квантоума мог решать задачи большой сложности, но главной задачей было, прилепившись к медленно кружащему спутнику карликовой планеты, получая энергию от самой быстровращающейся Хаумеи, пролететь полный оборот планеты, от перигелия до афелия. Пройдя путь за почти триста земных лет, подвергнуть изучению все, что возможно, отправляя на Землю инфопакеты, и вернуться обратно. Четверть века назад никто не мог предположить, что вынужденный контакт с Ливитом, а затем и с фогги позволит использовать последних, обладающих просто огромными скоростями разумных существ, для разведки и исследований. Буи был отправлен по сложной траектории, через двадцать земных лет, выполняя задачу, прикрепился к спутнику Хаумеи, все системы работали отлично, но сейчас перед интеллектом квантоума стояла нерешаемая задача – защита гравibuя от внешнего воздействия. Все необходимые алгоритмы квантоумом были выполнены, появившиеся рядом с планетой аномалии изучены с применением всевозможных ресурсов, дроны отозваны, система сканеров переведена в спящий режим, кроме основополагающей системы самого буя, защита активирована на максимум, инфопакеты ушли к ближайшим буям, и теперь искусственный интеллект квантоума стоически – он и не мог иначе, ожидал развития событий около спутника Хаумеи, фиксируя происходящее.

Картинка перед сканерами гравibuя, безмолвная и грандиозная, поражала нереальностью и, будь здесь человек-наблюдатель, могла бы вызвать у того дрожь ужаса. В пространстве перед карликовой планетой, насыщенном собранными в несколько колец частицами космического вещества, замерзшего газа и льда, кружились странные фигурки – как будто песчинки блестящего стекла, если их высыпать в работающий миксер. Они как будто спасались от чего-то, что сразу и подтвердилось. Пространство вдруг закрылось огромной сиренево-красной зловещей фигурой, похожей на сложноописуемое маленькое изображение умирающих галактик в крайне агрессивном сегменте вселенной, двинувшейся прямо на кружащиеся песчинки. Фигура была небольшой по космическим меркам – не больше ста километров в поперечнике, но происходящее внутри темно-красных клубов неизвестного вещества или энергии

даже у сильного волей человека вызвало бы оторопь. Сотни бело-оранжевых сгустков энергии внутри видоизменяющейся фигуры, казалось, спасались от длинных и черных хаотично изгибающихся тел, бросающихся на белые сгустки света. Догнав в клубках красного пара мелькающий сгусток, замирали перед ним передней частью изгибающегося тела, а задняя продолжала движение, окутывая белое пятнышко какой-то тончайшей сеткой, скорее, пленкой. Белый сгусток замедлял движение, чернота от краев добиралась до середины субстанции и, мелькнув напоследок, белый цвет исчезал, сменившись чернотой, неотличимой от цвета извивающихся существ, уже бросающихся за следующим сгустком. Происходящее напоминало какой-то жуткий танец, казалось, мистерия не безмолвна, в космосе звучит какая-то невыносимо жуткая музыка, источник которой двигался вместе с окружающим куском пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.